

личности, готовой к конструктивному взаимодействию, пониманию и согласию. В связи с этим учебник иностранного языка оказывается не только средством обучения иностранному языку и культуре, но и средством формирования личности. В качестве представителя иноязычной культуры учебник иностранного языка несет большую функциональную нагрузку, поэтому его репрезентативная функция наряду с коммуникативной оказывается одной из ведущих. Он влияет на формирование образа страны изучаемого языка и вторичной картины мира (языковой и культурной). Тексты учебника можно рассматривать как объекты инокультуры и проявления межкультурной коммуникации, поэтому качественная и количественная составляющие социокультурного содержания учебника иностранного языка оказываются чрезвычайно важными.

Перспективным может быть исследование, представителем каких стран выступает учебник английского языка, какой образ англоговорящих стран и какая культурная картина мира формируются у изучающих; количественной и качественной составляющих социокультурного содержания учебника и влияния этих факторов на формирование личности изучающего язык.

Примечания

¹ Гуткин О.В. Феномен культурного пространства / О.В. Гуткин, Е.В. Листвина, Г.Н. Петрова, О.А. Семенищева. Саратов, 2005. С.26–27.

² Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. М., 2004. С.29.

³ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода / В. Гумбольдт // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX вв. / Сост. В.А. Звегинцев. М., 1956. С.810.

⁴ Молчанова Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация / Г.Г. Молчанова. М., 2007. С.14.

УДК 1(450)+929

СКРИПТОРИЙ УМБЕРТО ЭКО: ЗНАК И ЗНАЧЕНИЕ

Н.Ю. Пронина

Саратовский государственный университет
E-mail: pronnat@pochta.ru

В статье произведена экспликация понятия скриптория У. Эко через теоретическое и художественное осмысление семиотических систем. Автор исходит из положения, что в концепции У. Эко феномен скриптория коррелирует с феноменом лабиринта, которым соответствуют три порядка дискурса. Понятие скриптория характеризуется творческим, культурно-созидательным потенциалом системы в отличие от пространственного, текстового и онтологического уровней организации лабиринта.

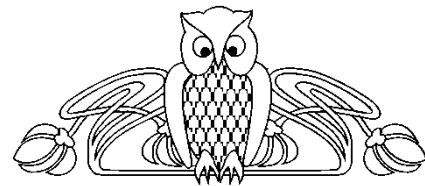
Ключевые слова: философия языка, скриптор, скрипторий, лабиринт, текст, знак, значение.

Umberto Eco's Scriptorium: Sign and Signification

N.U. Pronina

In this article the notion of the Eco's scriptorium through the theoretical and art comprehension of the semiotic systems is explicated. Author assumed that in the Eco's concept, the phenomenon of the scriptorium correlates with the one of the labyrinth which are related to three levels of discourse. The concept of the scriptorium is distinguished by a creative and culturally constructive potential of the system which opposes the spatial, textual and ontological levels of the labyrinth structure.

Key words: philosophy of language, scriptor, scriptorium, labyrinth, text, sign, signification.

При рассмотрении проблем семиотики и философии языка в творчестве Умберто Эко внимание привлекает концепт скриптория, предложенный самим автором в романе «Имя розы», но интенционально содержащий более широкий призыв к исследованию при помощи постструктуралистской методологии изучения текста. Специфику предмета исследования можно увидеть в особом типе мировоззрения, с которым столкнулись философы начала XX в., встречая новые неожиданные формы в культуре. Ощущение хаоса и кризиса, доминирующее в экзистенциальной реальности западного человека, требовало своего художественного осмысления, зафиксированного в новых формах, более гибких и подвижных. Текст организует вокруг себя пространство, наполненное намеками, недосказанностью, неопределенностью, и характеризуется принципиальной открытостью, которую У. Эко конституирует как условную

модель «открытого произведения». Находя подобную поэтику в творчестве Дж. Джойса, он приходит к заключению, что становление современного мировосприятия происходит «не над вещами: оно осуществляется в языке, с помощью языка и над языком (над вещами, рассматриваемыми через посредство языка)»¹.

Подобными сюжетами наполнены дискуссии, в которых оформлялся методологический аппарат концепции семиотики и философии языка У. Эко. Период конца 60-х гг. XX в. отмечен особой полемической напряженностью научных споров, в которых происходит обновление, перелом, смена парадигм². Этот период заложил специфику постструктурализма как современного типа знания, представляющего собой не набор определенных истин, а проблемное поле – диалогически напряженное полемическое пространство, где в состоянии вечного соперничества разнородные концепции оспаривают друг у друга право на роль наиболее авторитетной системы аргументации, не вычленяясь при этом в независимое целое, но обретая свое значение в непрекращающейся взаимной контестации.

В постструктурализме главной проблемой становится процесс разработки понятия и топика письма, т.е. феномена, в котором отражается подозрительное отношение к статусу знака. Понятие знака и его возможностей, допустимое в структурализме, подвергается сомнению. В связи с этим критика структурализма связана не с подменой его каким-либо новым методом или альтернативным множеством понятий, а с переосмыслением самой природы знака с позиции письма, которое усиленно подавлялось не только в дискурсах знака, но и вообще в границах западной философской традиции.

Выбирая в качестве предмета исследования феномен скриптория как некоего системообразующего звена в творчестве У. Эко, необходимо обосновать актуальность и правомочность выбора. Для У. Эко скрипторий имеет тенденцию к устойчивой корреляции с феноменом лабиринта, интерес к изучению которого проявили ряд авторов для экспликации постмодернистской эстетики и онтологии. Однако, на наш взгляд, ведущее по-

ложение занимает именно скрипторий, так как лабиринт олицетворяет эстетику и онтологию хаоса, а скрипторий представляет собой попытку его творческого постижения, поэтического осмысления и художественной организации. Здесь можно сравнить подход самого У. Эко к осмыслению произведений Джойса, где он отмечает ностальгию автора по утраченному порядку. Столкновение двух миров: средневекового иерархического и современного хаотичного определяет творчество Джойса, представляющего собой попытку разобщенного сознания интегрироваться вновь, попытку скриптизировать ускользающие правила и законы нового мира. Так, для У. Эко результатом наложения классического порядка на мир хаоса становится скрипторий.

Следует отметить, что в понимании У. Эко феномен скриптория имеет несколько планов развертывания: экспликация данного феномена в романе «Имя розы» выявляет три типа его организации. Можно выделить средневековый тип скриптория, модернизированный тип, коррелирующий с «Садом расходящихся тропок» Х.Л. Борхеса или с классической эпистемой М. Фуко, и, наконец, современный тип скриптория.

Лабиринт первого типа можно рассматривать как некий символизированный сакральный текст, пространство которого образует нить Ариадны, протяженностью от входа до середины и от середины до выхода. Процесс посвящения и инициации заключен во встрече с Минотавром, разгадав которого, путник становится обладателем заветной истины, отождествляемой с познанием закона структурирования лабиринта и, следовательно, с сакральным постижением устройства мира. Для этого типа характерны однонаправленность, однолинейность организации пространства и, соответственно, маршрута его прохождения.

На данном этапе можно отметить сакральность лабиринта и одновременно соответствие ему традиции устного слова. Это момент единения, соприсутствия говорящего в речи. Голос и мысль, голос и смысл, голос и бытие приближены друг к другу максимально. Так, Ж. Деррида подчеркивает неру-

шимую связь Логоса и фонемы³. Фоноцентризм традиции заключается в привилегии слышимого и истолкованного звука. Для данной традиции характерна внутренняя связь между языком и культом.

Возникновение письменности способствовало стратификации знания и изменению соотношения между языком и культом, между знаком и значением, между означающим и означаемым. Функции средневекового скриптория сосредоточены в копировании, хранении и передаче знания. Процесс написания, фиксации ведет к единому законченному результату, т.е. к рукописи. Этот период возникновения и становления традиции письменной передачи знания можно охарактеризовать максимальной приближенностью к традиции устного слова. На данном этапе (ренессансная эпистема у М. Фуко) слово и обозначаемое им понятие продолжают соответствовать друг другу, они непосредственно соотносимы и даже взаимозаменяемы, образуя единый текст, связную систему, организованную по собственным, достаточно строгим законам.

Знак представляет собой атомарную единицу данной системы. Здесь актуальна схема структуры знака Ф. де Соссюра, для которой характерна неразрывность связи означаемого и означающего. В концепции Соссюра коммуникация возможна при наличии идеальной и недоступной для прямого наблюдения системы знаков, которую автор называет «языком». Знак в таком случае представляет собой условную единицу, системообразующий сегмент, соединяющий «план смутных понятий» и «неопределенный план звучаний»⁴.

У Соссюра отсутствие внутренней мотивации означающего означаемым обуславливает тот факт, что знаковая система может быть создана только социальной жизнью. Мотивация не возникает из связи понятия и акустического образа, но приходит извне, при связи знаков друг с другом. Проблема двойственности языкового знака вынуждает его ввести дополнительную теоретическую конструкцию, проводящую различие между формальным значением знака (определяемым внутренней связью между означаемым

и означающим) и значимостью знака (определяемой внешней связью между знаками). В таком контексте язык соответствует системе значимостей, а не значений.

Изменение характера языкового дискурса М. Фуко определяет как следующий тип эпистемы – классический, в котором слова и вещи соотносятся в пространстве представления. В свою очередь, это позволяет ввести в систему познания таблицы, исчисления, комбинаторику, в которой сложные сочетания элементов выводятся из простых составляющих. Последовательность знаков образует код, которому соответствует пространство таблицы. Означаемые взяты из таблицы, которая, будучи стабильным образованием, пытается сохранить жесткую фиксированность значения. Таким образом, значение знака определяется характером таблицы, т.е. культурной конвенцией. Размещение познающего субъекта в пространстве схемы или таблицы позволяет сделать вывод о существовании следующего типа лабиринта, дефинируемого как пространство догадки⁵.

Такой тип организации лабиринта имеет древовидную конфигурацию, которая складывается благодаря необходимости постоянного выбора одного из возможных направлений пути. Это – путь выбора в «саду расходящихся тропок». Такой вариант можно обнаружить в творчестве Х.Л. Борхеса, где лабиринт оформлен в образы книги, города, библиотеки. Мир Борхеса представляет гипотетическую модель, существующую вероятно, предположительно, как возможность, а не реальность. Такой текст, декодируясь в ходе все новых и новых странствий в виртуальных мирах индивидуальных и коллективных восприятий, способен обретать неожиданные и ранее неочевидные содержания и ассоциации. Повторение их невозможно, поскольку читатель всегда замкнут в «саду расходящихся тропок», в лабиринте прозрачных пространств и времен. Структура данной конструкции такова, что путник не способен охватить целиком все пространство в силу своей неполноценности, не способен противостоять безграничности и бесконечности таблицы. Конечная истина недоступна, она рассеяна в пространстве схемы, мир по-

хож на нескончаемый каталог, но Борхес так направляет свой поиск: «невозможность постигнуть божественную схему мира не может, однако, отбить у нас охоту создавать наши, человеческие схемы, хотя мы понимаем, что они – временны»⁶.

Далее У.Эко отмечает значительное усложнение организации лабиринта и скриптории в XX в. Переосмысливая понятие ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари, он конституирует принципиально новое пространство лабиринта, которое, по его мнению, воплощает постмодернистскую модель мира. В нем находит пути своего постоянного обновления культурное наследие прошлого, и пути эти пролегают в ризоматическом лабиринте. Такая система содержит громадный потенциал: ее безграничность обеспечена за счет неустойчивых внутренних связей, которые наслаиваются друг на друга, принципиально асимметричны, не имеют границ ввиду конечной недоступности.

Текст, соответствующий данной системе, предстает как бесконечная борьба знака со своим значением, с иерархией смыслов, навязанной историей. Он независим от своего создателя. Так, текст становится многомерным и многосмысловым, сообщаемым с другим текстом и, образуя некую целостность, организованную ризоматическим способом, обладает бесконечным количеством ссылок, поправок, цитат, перекодировок, что соответствует постмодернистскому понятию интертекста. Следует отметить, что концепции о «смерти автора» наделяют любой текст или совокупность знаковых систем разного вида особыми возможностями, отличными от тех, которые у них были прежде. Возможность свободного прочтения, различных интерпретаций имеет следствием непоколебимое право на существование возникшего смысла.

Конечная станция поиска недостижима, ведь его цель – постоянное генерирование новых отношений означающего и означаемого в язык; полисемия смыслов и есть требуемый результат. Особое значение в этом случае приобретает идея «неограниченного семиозиса» Ч.С. Пирса, т.е. процесса интерпретации знака, в котором нет ни первичной, ни

конечной интерпретанты. В понимании Эко интерпретант может принимать самые разные формы: это понятие связывает знак с другими знаками, но его функция не закреплена за какими-то определенными знаками, наоборот, всякий знак становится интерпретантом других знаков, и всякий интерпретант, в свою очередь, интерпретируется все новыми и новыми знаками.

Проблема значения и смысла в семиотике У.Эко отражена в понятиях «словаря» и «энциклопедии», что следует соотносить с классическим и современным характером эпистемы, соответственно. В этих понятиях он видит регулятивную идею, метод, с помощью которого можно обнаружить экспериментальные способы описания семиотического универсума. Полномочия словаря и энциклопедии различны. Словарная статья предоставляет общее число мнений о референте данного слова, т.е. дает культурное определение, «которое общество соглашается принять для данной единицы содержания»⁷. Энциклопедия включает в себя базовый словарь и дополнительно дает сведения о поведении конкретного выражения в разных контекстах и при разных обстоятельствах.

Конфигурация словаря имеет форму древоподобной организации, отражающей характер распространения и локализации накопленной массы знания в таблице. Пространство словаря соответствует пространству догадки классического типа лабиринта. Энциклопедия же построена как глобальная, безграничная сеть интерпретант, в которой одно значение отсылает к целому ряду других, связанных между собой.

И если энциклопедию У.Эко определяет как «неупорядоченную сеть маркеров», то словарь предоставляет возможность привести систему в некий временный иерархический порядок. Таким образом, энциклопедия – это семантическое понятие, а словарь – прагматический механизм. Находиться в пространстве определенного словаря, т.е. в пространстве частичного и закрытого видения мира – значит находиться в рамках некоей идеологии.

Так теоретически с позиций семиотики У.Эко обосновывает три порядка дискурса

скриптория, выражающих различные способы приобретения и сохранения знания в системе, которой является язык.

Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» (проект № 2.1.3/6499).

Примечания

¹ Эко У. Поэтики Джойса / У. Эко. СПб., 2003. С.165.

² См.: Декомб В. Современная французская философия / В. Декомб. М., 2000.

³ См.: Деррида Ж. О грамматики / Ж. Деррида. М., 2000.

⁴ Крющенко В.В. Знак и смысл / В.В. Крющенко // Пирс Ч.С. Принципы философии: В 2 т. / Ч.С. Пирс. СПб., 2001. Т.1. С.10.

⁵ См.: Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко. СПб., 2005.

⁶ Борхес Х.Л. Проза разных лет: сб. / Х.Л. Борхес. М., 1989. С.218.

⁷ Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. СПб., 2005. С.473.